

СОЛОМАТОВ
ОЛЕГ
БОРИСОВИЧ

Духи
Тургояка

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

УИ

Олег Соломатов

**Духи Тургояка. Первая
встреча. Книга первая**

«Издательские решения»

Соломатов О. Б.

Духи Тургояка. Первая встреча. Книга первая /
О. Б. Соломатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740156-6

В данной книге рассказывается о таинственных событиях, произошедших с мальчиком Игорем, когда он в 1977 году, 12-летним учеником 6 класса, был отправлен в пионерский лагерь и с отрядом пошёл в поход вокруг озера Тургояк. Дальнейшие события дают ему возможность пройти первый этап перерождения из обычного школьника — в человека, «понимающего» суть происходящих вокруг событий. Напоминая, что жизнь конечна, выпавшие испытания дают возможность постараться успеть сделать задуманное по максимуму.

ISBN 978-5-44-740156-6

© Соломатов О. Б.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вместо предисловия	7
Пионерский лагерь	9
Поход. День первый	13
Поход. День второй	22
Грот	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Духи Тургояка. Первая встреча Книга первая

Олег Борисович Соломатов

*...Порой, необходимо сделать всего один шаг вперёд... в прошлое,
Чтобы полноценно увидеть картину мира настоящего...*

Иллюстратор Сухова В.

© Олег Борисович Соломатов, 2019

© Сухова В., иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-0156-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Если ты спросишь меня, почему я приступил к повествованию событий, описанных в этой книге только сейчас, спустя тридцать с лишним лет, я честно отвечу, что точно не знаю ответа на твой вопрос. Скорее всего, из-за невозможности ранее собрать воедино цепь описываемых событий, переосмыслить и правильно передать. Много рассказанное в этой книге я помнил всю предшествующую жизнь, некоторые подробности всплыли в памяти совсем недавно. С другой – внутреннее понимание того, что только именно сейчас пришла пора объясниться и, заглянув в прошлое, понять и принять всё так, как есть, без лишней политической и конфессиональной подоплёки. Без привязывания описанной цепи событий, к фантазиям и бреду пациентов Алексеевской больницы для душевно больных в столице, или в любом другом городе. В общем, всё зависело от множества объективных и отчасти, субъективных причин.

Понимание сути происходящего вокруг нас, и в нас самих, приходит у одних – в раннем возрасте, у других – в зрелом. Ко многим – оно вообще не приходит, и дело не только в том, что один глупее, а другой умнее. Всё гораздо глубже. И чаще всего этот факт зависит от знаний и душевных сил, накопленных в череде перерождений у каждого человека в отдельности. Иногда я понимаю, что необходимый и единственно верный совет может дать не седовласый старик на скамейке соседнего подъезда, а маленький ребенок, недавно научившийся читать и считать. Каждый из нас – рождаясь, несёт на свет вместе со своим бренным телом ту информацию, которая была накоплена его Душой в прошлых воплощениях. И именно эта информация может привести к деградации тебя, как личности, либо поднять в заоблачные дали, потому что у одних преобладает отрицательная, липкая, зловонная – энергия страха, страстей и пороков, а других, окружает, как надёжной стеной – добрая, светлая энергия добра, любви ко всему существу в этом явном мире. Но и эти, казалось бы, нерушимые стены, могут пасть под натиском невежества и глупости, в которых может пребывать человек в сегодняшнем воплощении и, если он вовремя не поймёт этого и кардинально не изменит свою жизнь, он просто постепенно деградирует. Душа, «терзаемая» отрицательной энергией, после полного подчинения её законам разрушения, растеряет всё светлое, разучится любить и начнёт свой новый путь следующего воплощения с самой низшей своей ступени. Недаром говорят, что с возрастом мы не изменяемся, а становимся всё больше похожими на самих себя. Так внимательнее заглядывай в колодец своей Души и постарайся как можно быстрее понять и принять себя таким, какой ты есть на самом деле, а потом, с этой точки отсчёта двинуться вперед, к новым Душевым высотам. Только помни, что жизнь тела конечна и Душе, воплощённой в сегодняшнем теле, необходимо в отмеренное время постараться успеть понять, переосмыслить и сделать всё задуманное по максимуму. Живи и трудись так, как будто сегодня твой последний день – и ты достигнешь многого.

Спеши жить, собирать по крупицам драгоценные самоцветы добра и любви для своего «венца», с которым ты когда-нибудь выйдешь из двери земного существования в большой внешний мир, несоизмеримо больший, чем твоя сегодняшняя жизнь..., чем вся Вселенная...

Вместо предисловия

...Ощущение резкого падения... открыл глаза...

...наваждение какое-то... вокруг темно, а перед глазами все еще стоит продолжение действия... Светящийся шар, пещера, неандертальский вождь, огромный мамонт, «подарок», «Учитель», озеро. Желание быстрее добежать до прохладной воды еще очень сильно..., а я лежу и пытаюсь восстановить весь сюжет..., но он уже не клеится, рассыпается... в голове ступор... всплывают картины и тут же ускользают, сон в секунду рассеивается и я уже не могу вспомнить начало сна, кем я был и я ли это был вообще, действующие лица... и только неприятный осадок усталости и обреченности..., как будто заглянул в колодец вечности и вдруг увидел настоящее, прошлое, будущее... в ушах шум обваливающихся каменных глыб..., крики, каменные орудия, боль в подреберье, волчий вой..., сердце бешено колотится от «резкого вращения». Еще ясно вижу неестественно-яркие, насыщенные тона виденного мира, прозрачность неба, буйство зелени тайги, огромную высоту ледника, синеву озера, бурный речной поток, ощущаю лицом дуновения ветра на вершине хребта... в реальной жизни все намного бледнее...

...Во рту пересохло, духота в помещении, скомканные и пропитанные потом простыни..., и какой идиот! включил отопление на полную катушку в начале октября, когда за окном плюс десять, а не минус двадцать пять.

...переворачиваюсь на другой бок, пытаюсь закрыть глаза и снова заснуть... досмотреть этот многослойный сон, в надежде узнать, наконец, чем же все закончится? Но сон растаял, как легкий утренний туман..., и я встаю и плетусь на кухню выпить холодной воды из пластиковой «полторашки», которую я предусмотрительно держу в дверце холодильника.

В голове, как гвоздь, застряли отдельные обрывки сна..., все могло бы показаться реальностью, если бы это не было сном, но таким реальным, что разум, как «витязь на распутье» готов уже воспринять действительность за сон, а обрывки увиденного – частью физической жизни. Реальные воспоминания перемешались со снами, с прошлыми фантазиями, которые в свою очередь, с течением времени, стали казаться реальностью.

Лежу в полной темноте, упершись невидящим взглядом в потолок..., напряжение постепенно спадает..., сон не идет, и тогда начинаю применять испытанную практику засыпания – запускаю счет цифр от двадцати до одного с объемным их представлением. Сегодня я складываю их из кирпичей..., пробегаю по каждой взглядом..., 2, 0... 1, 9... 1, 8... 1, 7... 6, стоп, нет 1, 6... 5, 4, так, не помню..., в первой или во второй десятке..., какой-то каменный тоннель..., очень старый, заросший водорослями! Как это возможно???, 4, а может уже 3.... Иду, скорее – продираюсь, вдоль стены, через несколько метров – пещера, внутри ничего нет кроме прозрачного, холодного родника, только центр пронизан ярким световым столбом, идущим вверх из глубин земли в космос. Появилась нестерпимая потребность зайти в центр светового сплетения нитей энергии и попросить у кого-то незримого, но явно присутствующего рядом – самого сокровенного, раствориться, взмыть вверх, но мягкий женский голос из-за спины говорит, что еще рано... голос родной, я знаю его тысячи лет. Добрый, но твердый, тихий, но понятный. Мысленно оборачиваюсь... действительно тот, кого ожидал увидеть..., «Учитель», зеленоглазая красивая женщина в серо-зелёном одеянии. Мысленно выразил желание остаться навсегда, но она ответила мягким отказом. Еще не пришло время... Лицо спокойное, сосредоточенное, без лишних эмоций, только глаза непостижимо глубокие и до боли родные..., такое ощущение, что это я сам, только из забытого далекого прошлого... или будущего. На миг попытался вспомнить это прошлое, шагнул внутрь столба, перед глазами замелькали нити голубой энергии, напрягся, ощутил себя пружиной, готовой взвиться ввысь. Свечение в центре пещеры пропало, сама площадка растворилась в серой мгле..., сам я тоже растворился..., появилось ощущение,

где Я – растекшееся пятно зелёной плазмы. Над головой, а может перед глазами – появился проем небесно-голубого оттенка с четкими краями, а я усилием мысли пытаюсь втиснуться, влиться в него..., и вот старания постепенно приносят свои плоды. Волна за волной «накатываю» в проем и он остается подо мной... вокруг пустота или туман, нет ни верха ни низа, ни указателей ни точек отсчета... я потерялся..., что дальше... в каком направлении двигаться, к чему или кому стремиться... Усилием мысли попытался воспроизвести последнее желание перед «входом»... голубой туман медленно рассеялся... Побережье озера, яркое солнце дает такие блики по набегающим на берег волнам, что кажется – вода соткана из миллионов разноцветных нитей, колышущихся в такт неосязаемой музыки ветра... рай..., а я плыву вдоль берега, фиксируя в памяти каждую деталь. Я – ЭНЕРГИЯ!!!, несущаяся во временной волне..., скорее вне времени. Закона гравитации нет. Любое желание – Закон! Пытаюсь сфокусировать взгляд на береговой линии, но фокусировка сбивается, картина тускнеет, размывается и исчезает. Ловлю себя на мысли, что сам виноват в этом исчезновении и не надо было разглядывать отдельные предметы внизу, а наслаждаться всеобъемлющей картиной сотканного из нитей энергий мира. Вновь темнота..., опять проснулся..., левая рука затекла и это, скорее всего, было причиной пробуждения.

Немного посидел на краю кровати, упершись в белый потолок взглядом. На нем всегда что-нибудь написано, если сильно приглядеться... Как-то вдруг вспомнил тоннель, нити энергии, «Учителя», желание оказаться где-то там, резкую боль в левом боку, под ребрами, воду, захлёстывающую в лицо... И вот ниоткуда, вдруг..., огромным потоком нахлынули воспоминания...

Пионерский лагерь

В тот год, когда я закончил шесть классов самой обычной средней школы Советского Союза – из Гимна СССР убрали слова о Сталине, Джимми Картер стал новым президентом США, с космодрома Байконур запустили Союз-24, в Испании столкнулись два самолёта, а в кинотеатрах США пошел в прокат IV эпизод «Звездных воинов».

Летние каникулы у меня начинались традиционно, как и в прошлом и позапрошлом годах... Июнь ждал меня на загородном садовом участке у деда и бабушки с ежевечерней копкой червей и рыбалкой «на зорьке» вблизи сада, на прудках. Как обычно – мелочь я выкидывал местной кошке, а крупных пескарей и окуньков складывал в баночку. Когда терпение заканчивалось, а рыба в банке превращалась в окостыженные рыбные палочки, сматывал леску, рыбу отдавал всё той же кошке и тут же с мостков прыгал в воду, купался, пока вода не становилась рыже-мутной от топтания по глине, перемешанной с илом. Закончив «утренний ритуал», обдирая голые коленки, пробирался сквозь соседские кусты смородины и облепихи на свой участок, где у бабушки на плите уже шипела в сковородке жареная картошка со шкварками сала, а на столе стояла запотевшая кружка с холодным деревенским молоком.

В моей жизни всё было просто и понятно. Мама – акушерка со стажем, посменно в роддоме встречала новых жителей нашей необъятной планеты и давала им путёвку в новую неизведанную жизнь. Отец, работая на градообразующем предприятии, создавал новые грузовики, стоял в очереди на благоустроенную квартиру, вечерами, приходил с работы в легком подпирании, на кухне обсуждал действия правительства и «травил» анекдоты, услышанные от сослуживцев. По сложившейся уже традиции, я, чтобы не торчать летом в четырех стенах и не «крутить собакам хвосты», как выражался отец, июнь помогал деду с бабушкой в саду. В июле – отправлялся в летний загородный пионерский лагерь по заводской путевке, а в августе – погода, обычно, становилась дождливой и прохладной, поэтому время коротал дома, читал литературу следующего учебного года, грустил о быстром окончании солнечных, жарких, летних деньков и надеялся, что еще на недельку вернется это самое лето...

Но август был еще далеко, и я с удовольствием начал собираться в пионерский загородный лагерь. Поездки в летний лагерь для меня всегда были чем-то вроде путешествия в другой Мир. А всё потому, что жили мы в старой Южной части города, а лагерь был в Северной его части, и добраться до него было не «раз плюнуть». На двух автобусах с пересадкой и потом по берегу пешком около часа. Мне, в отличие от моих одноклассников и дружков по улице, всегда нравилось уезжать в него, ведь находился этот лагерь «имени Олега Кошевого» на берегу чудесного озера Тургояк, очень глубокого, прозрачного – как слеза, загадочного и холодного – как душа «Снежной королевы», хотя я и не знал, какова её душа в реальности. Для меня – лагерь был местом общения, появления большого количества друзей и подруг. Точнее – не подруг, а одной девочки Светы, с которой я подружился в прошлом году и ждал с нетерпением этого заезда в лагерь. Ждал и суеты, и распределения по дачам, и желание попасть в один отряд с ней и со многими «прошлогодними» пацанами, ведь мы уже тогда договаривались – при встрече записаться в один отряд.

И вот, загрузка в автобусы от Детского клуба Автозаводцев. Вокруг – снующие родители, выдающие множество, чуть было не забытых наставлений в последний момент перед отъездом. Усиленное сердцебиение при разглядывании пестрой толпы разновозрастных детей, жаждущих вырваться из родительских объятий, и моё желание увидеть тот знакомый овал лица, и русые волосы ниже плеч, и голубые веселые глаза. Увидел её в окне соседнего автобуса, немного успокоился. Автобусы трогаются, душный июльский город остается позади, мы врезаемся в сосновый лес, под мигалки сопровождающих нас милицейских «Жигулей» летим по лесной объездной дороге, серпантинном вьющейся в сторону Тургояка. Вот свежее выкрашен-

ный заветный шлагбаум, центральный плац с флашштоком и трибуной для директора лагеря, дачи по обе стороны от плаца и толпа нас, обалдевших от обилия кислорода, близости озера и огромного количества знакомых лиц... Остатки дня проходят в суматохе. Кучки уже «встретившихся» – выискивают остальных прошлогодних «соплеменников», тащат к воспитателю и умоляют записать вновь обретенных в отряд, потом гурьбой летят в корпус – занять кровати в одной комнате. Когда путёвки сданы воспитателю, списки определены и вещи из сумок перекочевали в прикроватные тумбочки, а сами сумки мигрировали в общую камеру хранения, начинается очередной ритуал любого пионерского лагеря тех лет – примерка пилокоток и выбор шорт по размерам. Единая форма создавала чувство объединения всех в «цельный организм», называемый отрядом. На память приходит часто выбираемый девиз отряда: «Не хочешь – заставим, не можешь – научим, позорить отряд не дадим!». И действительно, сразу выбирался командир, члены совета отряда, горнист, барабанщик и флаговый. Эта команда практически всегда была в первых рядах при проведении любого отрядного или обще-лагерного мероприятия. И вот, наконец, каждый «улей на лагерной пасеке» затихает в ожидании ужина. На моё великое счастье – половина отряда уже знакома, понятна и она тоже есть в их числе!!! Подросшая (кажется, быстрее чем я), еще более похорошевшая. Мама говорила, успокаивая, что девчонки к тринадцати годам быстрее растут, взрослеют и из сухопарых девочек начинают превращаться в милых девиц с появлением дополнительных округлостей на некоторых частях тела...

Да! Лагерь – это отдушина от серых домашних будней, ежедневных уроков, домашних заданий, «вечной» музыкальной школы и секции легкой атлетики, где из тебя выжимают нормы, секунды, метры и соблюдение режима дня. Лагерь – место, где жесткие иерархические социальные отношения города плавно трансформируются в «клуб по интересам», где у всех отдыхающих первостепенная задача – ОТДОХНУТЬ!!!, пообщаться, найти новых друзей, накупаться на озере и наестся черники, так обильно растущей в двух шагах от лагеря.

А еще, мне в прошлом году понравился трехдневный поход вокруг Тургояка. С тяжелыми рюкзаками, набитыми тушенкой и сгущенкой, палатками, гитарой, искрами «до небес» от ночных костров, первозданной природой, поспевающей черемухой и ранее неизвестных чувственных проявлений к противоположному полу, выражаемых во взглядах, охах-вздохах, недосказанности и глуповато-глуповатом молчании, именно тогда, когда нужно что-то говорить. Я ждал этого похода, наверное, целый год! А пока, я наслаждался присутствием старых друзей, знакомством с новой публикой, начавшимися отрядными делами и спортивными соревнованиями между отрядами по футболу, «детской дискотекой» на пирсе после ужина, «страшилками о пропавших непослушных детках и духах озера» после отбоя и звуками утреннего горна, поднимающего весь лагерь на зарядку.

Отряд наш был очень дружный. Во всех спортивных состязаниях мы в своей возрастной группе занимали первые места, а может, это случалось еще и потому, что воспитателем был Александр Михайлович, молодой, шустрый учитель из городской школы, гонявший нас «по полной программе» то на спортплощадку, то на кросс по лесу, то на заплывы по секундомеру. А на днях – прошла обще-лагерная «Зарница» на «минном поле», так мы называли большую лесную поляну в километре от лагеря, с участием солдат из «Чебары» – «учебки» для солдат, недалеко расположенной от города. И наша бравая армия лагерных аборигенов третьего отряда выловила из кустов троих! автоматчиков. Если учесть, что солдат всего было семь человек, а отрядов двенадцать, то можно было понять наши «первобытные выкрики» радости и «ритуальные пляски победителей». После разоружения противника, поиска в траве и расталкивания по карманам отстрелянных гильз мы с трофейными «калашами» фотографировались, испытывая невероятное чувство гордости и собственной значимости в глазах проигравших команд. Мне так хотелось попасть в кадр с автоматом, и я уже был готов позировать, но до боли знакомый голос за спиной попросил дать ей оружие. Ну, естественно, оставалось только бес-

прекословно выполнить эту просьбу, дабы не упасть в её глазах ниже плинтуса и не прослыть «жмотом» до скончания века. Вот и пришлось на снимке изображать в голову раненного бойца, не успевшего надеть противогаз.

Зарница – это СИЛА!!!

А потом... , потом уставшие, но довольные мы двинулись по знакомым тропам через лес в сторону лагеря, позвякивая гильзами в карманах и на ходу срывая еще красновато-бурую, не дозревшую чернику.

Вечером в честь победителей на деревянном пирсе у берега озера была устроена дискотека, и я впервые решился пригласить ее на медленный танец. Как правильно это делать и как танцевать в паре, не мешая друг другу, мы познавали здесь и сейчас, по крайней мере, лично я, ведь смотреть на взрослых – это одно, а как выполнить самому – совершенно другое, непонятное, неизведанное. «Оркестр Поля Мориа» рвал сердце на части популярной мелодией «Speak Softly Love», уши горели пунцовым закатом, вспотевшие руки ощущали её легкие покачивания в такт музыки, а мои ноги то и дело пытались бесконтрольно деревенеть и запинаться за Светкины босоножки. Музыка прозвучала, как один миг, но этот миг показался мне вечностью. После отбоя совсем не спалось, в голове в тысячный раз прокручивалась всё та же мелодия, те же ощущения. Ну а раз сон «не шёл», мы решили поболтать. Через десять минут в палате из десяти человек шёл нешуточный бой с бомбометанием в виде перьевых подушек, и воплями, как будто включилось сто «воздушных тревог» одновременно. Бой закончился в одну секунду, когда включился в палате свет и на пороге оказался старший физрук лагеря «Коля-Ваня». Вообще-то его звали Николаем Ивановичем, но, так уж повелось, не первый год он работал в этом лагере, и за ним «приклеилась» стойкая кличка «Коля-Ваня». Все побаивались его острого орлиного взгляда, шевелящихся, как казалось от злости, усов и обходить старались сторонкой. Двое бомбометателей так и застыли в замахающихся позах, стоя на кроватях, как будто встретились взглядами с «Медузой Горгоной». Он пошевелил усами, как змеями этого мифического создания, и обратился к нам с пламенной речью:

– Не спится, бродяги? – выкрикнул он со злобной улыбкой и подозрительной искоркой в глазах взглянул на меня, – Выходить всем и строиться у дачи...

Мы как кролики перед удавом, медленно поднялись с постелей и тысячи «мурашек» табуном проскакали по спинам обреченных. Ничего не оставалось, как подчиниться. И вот, десять представителей третьего отряда с заложенными за голову руками, вприсядку «нарезают» десять кругов вокруг дачи. Последний оборот, давался особенно тяжело, но мы достойно прошли эти круги через заросли огромных корней близ растущих сосен, и если бы в лагере устроили соревнования по ходьбе «гуськом», то мы всё равно заняли бы первое место. Повторный отбой. Но спать так и не захотелось, а наоборот, свежий вечерний воздух, крики сверчков

и физическая нагрузка совсем выместили последние зачатки сна. Лежал, упершись взглядом в темноту, ворочаясь с боку на бок, и думал о ней. Заснул только под утро, предвкушая приближающуюся походную романтику.

Проснувшись утром за минуту до подъёма, я услышал равномерное постукивание дождя по крыше дачи и небо, принявшее серый, скорбный вид. За окном появились огромные лужи и каждая капля, упав на их поверхность, образовывала пузырь. От деда я слышал про примету о том, что если появляются эти пузыри, то дождь будет затяжным. Такое стечение обстоятельств не входило в мои личные и в отрядные планы, потому что на лагерной доске объявлений висел плакат с расписанием мероприятий на каждый день смены. Через два дня самый спортивный отряд, а это были естественно мы, должен был, получив походный инвентарь и продукты, выдвинуться в западном направлении вдоль береговой линии Тургояка в поход. Настроение было испорчено надолго и не только у меня одного. Девчонки, чуть не плача выходили на веранду кучками и, глядя на небо, бормотали «мультишные заклинания типа: крибле – крабле – бумс», пытаясь тем самым умиловить духов озера и разогнать низко нависшие тучи, больше напоминающие грязно-серый туман, зацепившийся за макушки окрестных гор и затянувший всё небо. Я, прогуливаясь по кромке берега озера на территории лагеря, глядя на накатывающиеся волны с белыми барашками пены и многомиллионными мелкими кружками на воде от дождевых капель, тоже пытался своим небогатым двенадцатилетним опытом сформировать «посыл», с просьбой о прекращении дождя и выходе солнца из-за туч. Но как точно это сделать и кому отправить – не знал и всё делал по наитию, как получится. «Посыл» попытался передать Духам озера, о которых слышал лагерные страшилки перед отбоем. Верхняя одежда уже промокла и струйки дождевой воды стекали между волосами за шиворот. В надежде на милость неба я двинулся к столовой. Погрузившись в личные переживания, я совсем забыл про завтрак, который был уже в самом разгаре. Самое удивительное произошло дальше. Ветер понемногу стих, оставив на воде только мелкую рябь, тучи стали приобретать рваные очертания, а когда я с отрядом вышел из столовой – над головой появился клочок голубого неба, как глоток надежды.

Поход. День первый

Ускоренная подготовка к походу мигом захватила разум всего отряда. Столовая не досчиталась двадцати вилок, в мановение ока превратившихся в ударную часть остроги для охоты на раков, для каждого уважающего себя туриста мужского рода-племени. Я предусмотрительно в лагерь с собой взял подводную маску для более комфортной «подводной охоты». В один полиэтиленовый пакет были уложены два комплекта батареек для фонарика и во второй – сам фонарик, запасные лампочки, складной нож, огарок свечи, спички, крем от комаров, рыбацкий набор с двумя комплектами лески, поплавков, грузил, крючков, купленный в магазине «охота и рыболовство» за пару дней до отъезда в лагерь. Оба пакета были аккуратно помещены в боковой карман рюкзака. Все остальные вещи вперемешку с консервными банками, посудой, спальными принадлежностями, фляжкой под воду, маской и средствами личной гигиены были впиханы в сам рюкзак. Наверх каждый привязал индивидуальный спальник, скрученный в трубочку.

И вот настало то благословенное утро выхода туристической группы в лице третьего отряда из ворот лагеря. Дежурные подняли шлагбаум и пока мы не скрылись за пригорком в ближайшем перелеске, с завистью провожали взглядом колонну нагруженных, но довольных «везунчиков-туристов». Тропа вела по краю береговой линии через подлесок, состоящий из осин, рябин, ивняка и других низкорослых деревьев. Сама береговая линия отступала от леса довольно далеко из-за того, что озеро имело многолетнюю цикличность изменения уровня воды, которая сейчас приближалась к минимальной отметке. В сравнении с прежним максимумом – уровень «зеркала поверхности озера» упал на два с лишним метра! Весь берег быстро зарастал молодым березняком, ивняком и прочей прибрежной растительностью, а кроме всего на берегу появилось множество огромных валунов, прежде находившихся под водой, двигаться по которым группой было крайне затруднительно и травмоопасно. Погода, к всеобщему удивлению и радости прояснилась и по бездонной голубизне небес, как по морю проплывали грациозные каравеллы белых облаков. Солнце еще не успело напечь нам головы, так как мы продвигались по южной стороне озера, и сосновый бор своими кронами прикрывал наши макушки. Лесные запахи сосновой хвои, цветущих трав, березовых листьев, прелых пней и мха, облепившего каменные утесы, перемешивались с влажным ветерком, дующим с озера, приносящим лёгкие ароматы прибрежных водорослей, рыбы и еще чего-то непостижимого, но такого близкого и знакомого с детства.

оз. Тургояк, береговая линия...

Я шел по лесу и ощущал полное единение с природой. Не вязалось это единение только с присутствием ненавистных комаров, которые, казалось, из всего отряда видели только меня, но дух коллективизма и «чувство локтя» делали нашу группу единым организмом, этакой сороконожкой, двигавшейся в заданном направлении и не обращающей внимания на кровососущих тварей. И вот позади первые протопанные километры, забор соседнего лагеря, «Пугачевская поляна», «Форелевое хозяйство», заводская база отдыха... Перейдя на западную часть озера, когда солнце приблизилось к зениту – рюкзак стал понемногу тяжелеть, на футболке уже не было сухого места, фляга с водой почти опустела, а чувство усталости захватило большую часть ног и спины «в плен» – мы сделали небольшой привал. Туристический пыл у многих поубавился, а часть рюкзаков отдельных девочек перекочевали на спины рядом идущих отдельных мальчиков. Хотелось искупаться, подкрепиться и на «сон час» по распорядку, но, увы, внутренний голос гнал из души лень, находя её оправдания неубедительными и вредными для репутации в глазах «соплеменников». На сегодня, большая часть пути уже была пройдена, нам нужно было собраться, согнать навалившуюся сонливость и двигаться дальше к заветной поляне за островом Веры. Руководители похода повели наш отряд по короткой дороге через лес, напрямую, только эта прямая была сначала очень долго в гору, а потом лёгкой трусцой вниз...

оз. Тургояк, заросли Иван-чая

Последний отрезок пути мы плелись по хлюпким кочкам, заросшим болотными травами, черной зловонной жижей, состоящей из сероводородной воды и ила, неумолимо затекающей в кеды. Весь пейзаж оживили только бескрайние заросли Иван-чая, взвившиеся красными стрелками к небесам.

оз. Тургояк, поход, прибытие к стоянке...

И вот – долгожданная поляна!!! Оказалось, что остров Веры стал уже полуостровом. До него тянулась длинная песчаная коса, заросшая кустарником и мелким березняком. Сбросив уже к тому времени, поднадоевшие рюкзаки в центре поляны, уставшие, вспотевшие и по колено в грязи, мы гурьбой двинулись к озеру. Песчаный пляж с мелкой, покатою галькой был расчищен от крупных каменных глыб и выглядел, как волшебный кусочек райского пейзажа. Стайки мальков носились в толще прозрачной, как слеза, воде, водомерки устроили соревнования на скорость разбегания в стороны, стрекозы зависали над водой, как боевые вертолёты, готовые в доли секунды сорваться с места и настичь жертву в любой точке своего местообитания.

После утомительной ходьбы погружение ног в холодную, напитанную родниками воду, показалось наивысшим блаженством, правда вода, после нашего массового входа прямо в одежду и обуви, превратилась в мутную субстанцию, а со стороны – это напомнило картинку «стадо на водопое». Почувствовав окончание сегодняшнего пути и возможность расслабиться, мы мокрые и довольные развалились на песчаном пляже, но вечный релакс, вдруг, свернулся в одно мгновение, а голос Михалыча – нашего воспитателя, вернул нас на землю. Она, в смысле – земля, оказалась заваленная шишками и сухими ветками, на нее невозможно

было растянуть наши палатки. Пришлось взяться за импровизированные веники из свежих сломанных веток и вымести площадку под палатки. Потом, женская часть отряда осталась подготавливать с Михалычем костровище и уже ставить котлы с водой на подготовку ужина, а все пацаны разбрелись по ближним окрестностям собирать валежник для костра.

оз. Тургояк, поход, всем отрядом дружно за дровами...

Благо, в дровах недостатка не было, и мы натаскали огромных сосновых веток столько, что ими можно было жечь костер неделю без остановки. Некоторые в лесу прогуляли дольше остальных, как потом выяснилось, на их пути вместо дров возникли заросли черёмухи с гроздьями крупных ягод, оторваться от которых было невозможно ближайšie полчаса. Обильное поглощение черёмухи некоторым туристам – позже «вышло боком», из-за её вяжущих свойств, но в тот момент, когда спелые, сочные ягоды горстями попадали в рот, о последствиях никто и не думал.

Наконец, палатки установлены, мы разбились кучками по палаткам, растолкали рюкзаки, расстелили спальники, и готовы были приступить к ужину, расточавшему умопомрачительный запах гречневой каши с тушенкой на километр вокруг поляны. И вот вся команда у костровища, огромные сосновые бревна, приготовленные прежними туристами, выполняли роль скамеек, на которых мы расположились, как воробьи на жердочке. Смех, крики, звон походных котелков и ложек заполнили всю поляну до краев. Создавалось впечатление, что на берегу не сорок шесть малолетних туристов, а как минимум, весь пионерский лагерь.

оз. Тургояк, поход, подготовка к приёму пищи...

В тот момент, когда в котелках появились крейсера смачных кусков мяса, бороздящих просторы гречневого моря, а в руках появились ложки – наступила «минута молчания», плавно

переходящая в нарастающий гул скребущих по дну ложек, а после – вопрошающих выкриков: «Добавка есть?» и не менее требовательных: «А компот будет?».

Поедая за обе щеки ужин, я неосознанно уперся взглядом в языки яркого пламени костра, танцующие в такт углей, издающие щелчки и потрескивания, как заправских музыкантов, подвластных всеобщим языческим законам природы и древнейшим тактам «Ледникового периода», когда огню, как главному Богу, молились замерзшие, первобытные Неандертальцы. Почему-то подумалось именно о них, наверно, отложилось в памяти из школьных учебников истории древнего мира. Огонь на меня всегда действовал магически вне зависимости от времени года, времени суток и места пребывания. Я мог подолгу глядеть на его языки, открыв створку печи у бабушки на кухне, на стораемую кучу сухой листвы в садовой бочке, на тлеющие угли в мангале родителей, когда мы изредка летом уезжали с ночевкой на природу. Огонь мне напоминал живое существо, которое умеет дышать, двигаться, расти, возмущаться, нервно кидаться на окружающих, фыркать дымом, нежно согревать и даже я думал, что на нём, как на огненном драконе – можно летать... Так за размышлениями, я не заметил, как закончилась каша. Радовало то, что первый раз «без примерки», наварили в два раза больше этой наивкуснейшей каши, и добавки хватило на всех. Самые большие «проглоты» попросили ещё повторной добавки, компоту места в их желудках уже не нашлось...

После ужина расходиться никто не хотел. Утолив главную потребность в еде, я вдруг вспомнил, что в вечерней суете, как-то выпустил из виду отсутствие поблизости предмета моих воздыханий и, оглядев глазами окружающих, обнаружил её в сторонке с кучкой подружек, решающих свои девичьи, не подвластные мужской логике проблемы. У нашего командира отряда Кости была с собой гитара, которую ему разрешили взять с собой в лагерь родители. Сейчас она была, как раз в тему. Правда, игроки из нас были «никудашные», но несколько аккордов умел «выбивать» каждый уважающий себя турист третьего отряда. «Заехав» в лагерь, я тоже пытался зажимать гриф, как заправский виртуоз, но игра на фортепиано, которой я обучался уже шесть лет, коренным образом отличалась от бряцаний на гитаре и после двадцати минут тренировки кончики моих пальцев покрылись алыми мозольными пузырями. На этом мои гитарные опыты закончились так же быстро, как начались, и сегодня вечером рисковать руками я уже не хотел. Девчонки наперебой стали заказывать исполнение последних «лагерных хитов», кто-то уже побежал за песенником, а я перебрался поближе к Светке, чтобы хоть краешком глаза контролировать её действия. Она, почувствовав моё внимание и приближение, как-то непонятно для меня среагировала и ушла в палатку. А может, мне просто показалось, что среагировала...

оз. Тургояк, поход, ужин плавно переходит в «хиты под гитару»...

Вечер с песнями продолжался до наступления сумерек. Несколько пацанов, под магическим действием пламени и кричаще-плачущих подобий песен, уже приступили к своим первобытно-племенным врожденным рефлексам – подготовке «орудий» для отлова раковой бра-

тии. Были срублены колья, к концам которых проволокой приматывались столовские вилки. Потом, под групповые песнопения и покачивания они подсели к костру. Мне сегодня предаваться охотничьим страстям уже не хотелось, да и предмет воздыханий больше не появлялся из палатки...

Яркие языки огня и сгустки искр вздымались к небу, когда Михалыч подбрасывал новые порции дров в костер. Игра теней вокруг поляны создавала иллюзию движения и присутствия чего-то древнего, дикого и немного страшного. Страх этот был не реальный, а на уровне подсознания, сидевший где-то глубоко в голове. Признаюсь честно, я был немного трусом, когда речь заходила о тёмном ночном лесе, злых духах, крупных хищниках и кладбищах. Ночью, на природе, в лесу, на стыке огня, воды, земли и воздуха возрождалась древняя энергетика, спящая в нас «городских» и очнувшаяся в момент воссоединения стихий в единое целое. Каждый из нас чувствовал это, но не мог понять, объяснить, переосмыслить... мы в этот момент могли только как-то реагировать на это пробуждение. У кого-то это вызывало страх, у других – возбуждение, у третьих – подавленность. Гитара переходила из рук в руки, и нестройный хор голосов подхватывал любую новую песню, лишь бы не спугнуть это состояние всеобщего воссоединения с природой.

Был в нашем отряде один «соплеменник» Юрка. Он мало, чем отличался от остальных озёрных аборигенов. Одно у него получалось лучше других – бряцать на гитаре и по его словам – этому научил его старший брат. Заучил он больше других исполнителей, всяких «девичьих» слезливых песенок. От них, у последних – накатывались крупные слезы, как только под минорные аккорды, какая-нибудь одинокая, лесная колдунья безответно влюблялась в юношу. Или дельфин, попавший в шторм на мелководе – умирал, не дожив до встречи со стаей... Больше всех выжимала слёзы песня «про лошадей», волею судеб попавших посреди океана в беду, постепенно тонущих и до последнего вздоха надеющихся на спасение... И вот, представьте себе, вдруг обнаруживаю, что Света, не показывавшая носа из палатки после ужина, вдруг оказалась рядышком с этим Юрком и даже слёзки пустила по поводу тонущих лошадок... Инстинкт соперника расцвел махровым цветом, но родительское воспитание не позволило вступить в открытое соперничество, хотя «кулаки немного зачесались»... Мы пойдём другим путём – вспомнил я наставление дедушки Ленина. Настроение упало до нуля и желание продолжать посиделки улетучилось вместе со снопом искр, взметнувшимся, как мне показалось в момент, когда я всем сердцем возжелал поколотить «соперника».

Но ход моих мыслей прервал Михалыч. Историк по образованию, он знал столько интесностей о прошлом нашего региона и так легко и доступно доносил информацию до каждого слушателя, что в какой-то момент вся толпа «береговых аборигенов» забыла о песнопениях и расселась вокруг него. Естественно, все рассказы и вопросы крутились вокруг озера, острова Веры, Заозёрного хребта и других географических объектов местной флоры и фауны. А еще – он любил «нагнать тумана» на некоторые исторические факты и этим вывести нас из душевного равновесия. Особенно ему нравилась тема Ледникового периода, когда ледяной щит сковал материк, и образовалось внутреннее море, Неандертальцев, мигрировавших по территориям и собиравшимся в районах гор, уходя от «большой воды». Уральские горы, сорок тысяч лет назад, напоминали огромный остров, где происходил сплав первобытных людей разных ветвей развития и природы, веры в загробную жизнь, шаманизма и первых зачатков культуры. Всё это он ловко «привязывал» к месту нашей стоянки, указывая на отдельные признаки присутствия древних зачатков культур и, наверное, выживших представителей неандертальской расы. Мы, естественно, стали внимательнее прислушиваться к ночным шорохам лесной чащи и вздрагивать при всплесках крупной рыбы на мелководе. Девчонки мало-помалу, от этих страшилок разбрелись по палаткам и затихли... Самые стойкие ребята сидели до последней байки, возбужденные от «новых знаний» и срочно составляли план поиска артефактов вокруг нашей стоянки, так как по дороге сюда нам попадались в лесу нагромождения камней, напо-

минавшие древние жилища. Последние рассказы уже уводили нас в дебри Эзотерики со священной горой Меру, белыми Ариями, пришедшими с севера, санскритом – древним языком, из которого развились современные языковые группы и еще множеством умопомрачительных данных о сверхспособностях человека, возможности перемещения во времени и пространстве.

Ночь была темной из-за отсутствия естественного небесного фонаря. Похоже, началось новолуние. Звездное небо, как огромное, бескрайнее поле над головой, обсыпанное светящимися каплями росы наводило на мысль, что эти же звёзды сорок тысяч лет назад наблюдали племена первобытных людей, так же жгущих костер на этой поляне. С озера дул лёгкий бриз, приносящий прохладу и сырость. Сидя у костра ощущаешь, как передняя часть тела «горит» и насыщается жаром от углей костра, в то время, как спина чувствует ветерок с озера и этот перепад вызывает лёгкий озноб и желание пробраться в палатку и «зарыться» в спальник с головой. Так я собственно и поступил, но непривычно твердая основа спального ложа и присутствие затаившихся, как в «окопах» и не выметенных полностью шишек, задержали меня на пути к Богу Морфею. В довершение к этому над головой зазвучал писклявый хор комаров, набившихся в палатку, в момент моего вползания. Это была последняя капля, перевесившая чашу терпения. Пришлось выбраться наружу, из-под палатки выскрести шишки и у костра прихватить пустую банку от тушенки. Из банки я соорудил «дымовушку», проткнув банку с боков в нескольких местах гвоздём, накидав внутрь тлеющей бересты, а отрезанную не до конца крышку банки загнув вокруг палки. Размахивая этой «приспособой» туда-сюда, для возгорания бересты – клубами дыма выгнал из палатки комариное войско и сам, пропитанный этим дымом, улёгся спать, отгоняя первобытные страхи от «рассказок», и тихо ненавидя Юрку. Ворочаясь с боку на бок от твердой почвы под собой, я прислушивался к шорохам сухой листвы, потрескиванию сучков и крикам ночных птиц, доносящимся из окрестной темноты за пределами поляны. Завтра решил надрать побольше травы и натолкать под палатку, создав подобие матраса и с этими мыслями заснул...

Спать пришлось недолго. Трое соплеменников, обитателей нашей палатки с возбужденными взглядами, напоминавшими маяки с невидимыми пучками света, вползли внутрь, размахивая самодельными острогами, впустив очередную порцию комариной братии. Им не терпелось проявить свои затаившиеся в подкорке скрытые древние охотничьи инстинкты и уже сейчас тронуться на «раковую охоту». Но у них была проблема – отсутствие реального света. А это – основа успеха при ловле. Фонарик по стечению обстоятельств, оказался только у меня, и не было никакой возможности отговориться от «миссии Данко», стать осветителем дороги позади идущим, вернее не дороги, а камням, под которыми должны были прятаться раки. Да и вновь прибывшее комариное войско по своей численности и громкости писка превосходило то, что я выгнал «дымовушкой» час назад, а это предвещало бессонную ночь или очередной ритуал их изгнания. Натянув спортивные штаны и кеды, пошарив в углу палатки в кармане рюкзака, я нашел фонарик и, о Боги – мазь от комаров, так необоснованно забытую в самый нужный момент. На улице оказалось «первобытных охотников» больше, чем я видел в палатке и у всех до одного были точно такие же взгляды, как после шаманских плясок у костра перед загоном мамонта.

И вот всей гурьбой мы тронулись на берег, сняли обувь, спортивные штаны, в простонародье называющиеся «триковиной», и с острогами наперевес, под свет фонарика двинулись к камням на краю песчаной заводи. Света одного фонаря было недостаточно для десятка охотников и в руках у некоторых несколько минут спустя, появились самодельные факелы, состоящие из палок с обвернутой на краю и подожженной берестой. Она имеет способность скручиваться во время горения и это дает эффект самозакрепления на палке. Камней было много вдоль берега, но эта часть озера отличалась от других тем, что под водой в основном были не просто камни, а огромные глыбы, приподнять которые не представлялось ни малейшей возможности. Многие из этих глыб были очень правильной формы, как будто вытесанные рукой

древнего человека. Вначале мы прошли вдоль берега, по колено в воде, засовывая руки под камни, где нам казалось, что раки непременно должны быть. Но их, увы, не попалось... и тогда мы двинулись «на глубину». Июльская ночь была довольно теплой, но Тургояк отличается от других озер тем, что чистота и прозрачность воды достигается наличием большого количества родников, бьющих прямо под водой, а они очень холодные и, потоптавшись в поисках раков двадцать минут по пояс в озере, мне сразу расхотелось продолжать охоту. Тем более, что раков практически мы не обнаружили. Из чего были сделаны следующий вывод: нужно днем поймать несколько рыбёшек, проквасить их на солнце и положить в сетке в воду около берега, а так как раки любят тухлятину, то они сами приползут к нам на приманку. Но часть охотников, не согласилась на «ленивую» охоту, когда нужно сидеть и ждать милости от раков, а решили следующим вечером пойти по берегу на остров Веры, находящийся в нескольких сотнях метров от нашей стоянки. Вернее, не остров, а как я уже говорил полуостров. Озеро, как я уже говорил – обмелело. От этого образовалась песчаная коса к острову, а заводь стала больше походить на прибрежное болотце, заросшее камышом, осокой, Иван-чаем и прочими болотными травами. Я тоже решил примкнуть к той части охотников, которые собрались на Веру.

Этот полуостров отличался от остальных тем, что по рассказам нашего воспитателя, на нём были пещеры и землянки с каменными сводами. Но вроде, не новые, не недавно сложенные, а какие-то древние, в которых жили сначала первобытные люди, а потом староверы-отшельники. И после этих рассказов любопытство так заполнило мой мозг, что подавило даже чувство страха перед появлением ночных призраков и духов острова, о которых так воодушевленно рассказывал воспитатель. Неожиданно, мои мысли прервал яркий предмет, не вписывающийся в мою модель современного устройства мира. Это был небольшой шар света, медленнодвигающийся над поверхностью воды от полуострова Веры в сторону Заозёрного хребта. Вначале мысли привели меня к тому, что это шаровая молния. Недавно в одном научно-популярном журнале я читал про то, что такие молнии на Земле не редкость и в огромном количестве появляются во время грозы, и чаще в районе экватора. Тут же возник вопрос – шаровая молния есть, а грозы нет, небо ясное и только над водой стоит лёгкий туман, увеличивающий свою плотность ближе к берегу, в направлении которого двигался шар. Да и шар то это был полупрозрачный с нечеткой, размытой поверхностью. Он как будто услышал мои мысли, на несколько мгновений замер на одном месте, поиграл радугой красок внутри себя и, ускорившись, полетел к берегу, потом над кронами деревьев, и, наконец, поднявшись выше хребта – пошёл вертикально вверх, создавая легкую ауру вокруг. Даже показалось, что летящий предмет заходил в вираж по склону, как на трамплин в небо. Свечение расходилось от шара, как круговая волна от брошенного в воду камня, постепенно бледнея и, когда была освещена уже почти треть неба, шар высоко в небе сделал резкий зигзаг, и исчез вместе со свечением. Вся последовательность действий была такой стремительной, что я даже не успел проронить ни звука, и сообщит другим «охотникам» о шаре. У меня внутри, в первое мгновения полета, всё сжалось от бесконтрольного страха, и создано ощущение, что кто-то на уровне подсознания приказал молчать. Потом страх улетучился, когда шар удалялся к берегу, а в висках появилась небольшая боль, как от резкого толчка. Ошарашенный зрелищем и возмущенный тем, что никто кроме меня этого не увидел, я побрёл к своей палатке.

Нужно было скорее выспаться, и набраться сил перед завтрашней ночной вылазкой на остров. Видение не выходило из головы и прокручивалось от начала до конца уже второй десяток раз, всё снова и снова. Раки меня уже не интересовали, как средство для пропитания, а остался лишь небольшой азарт охотника – поймать больше, чем другие соплеменники или самого крупного представителя ракообразных, ну и обязательно полазить по пещерам, если найдём их в темноте. О вылазке договорились не рассказывать никому, так как Михайч строго-настрого запретил нам одним ходить к пещерам, объясняя тем, что они древние и в любой момент огромные глыбы сводов могут обвалиться на наши головы. А еще он

припугнул нас, сказав, что на острове живут приведения, в народе называемые «Духами острова». Девчонок решено было тоже не посвящать и не брать с собой, они слишком болтливы и не менее трусливы в подобных вылазках. Уже над противоположной стороной озера небо стало приобретать предрассветную розоватую окраску, когда я намазался мазью от комаров и кое-как уснул, невзирая на дикий писк комариного войска, твердость земли под палаткой и мыслями о шаре. Но выспаться мне так и не пришлось. Остаток ночи я провёл в бредовых снах, мелькающих, как обрывки киноленты, заполненной образами диких Неандертальцев, загоняющих мамонта на край скалы. Их сменяли бородатые, одетые в лохмотья старoverы, сидящие в пещерах и грозящие кулаками проходящим мимо. Потом виделись полупрозрачные шары, слетевшиеся к поляне, как на научную конференцию, и тени в накинутых балахонах, снующие вокруг нашей палатки. Каждый раз просыпаясь, я со страхом вслушивался в предутреннюю тишину в надежде, что всё увиденное – только сон. Переворачивался на другой бок и вновь видел пасущихся около поляны шерстистых носорогов и огромных рогатых лосей, высеченные в скалах из камня статуи идолов, разрисованные непонятными знаками входы в небольшие пещерки и толпу дикарей, бьющих в бубны, размахивающих каменными топорами и выкрикивающих непонятные фразы, почти не имеющие гласных звуков. Один часто повторяющийся выкрик я даже смог запомнить: ШИЛП! Какая-то игра согласных звуков, ничего мне не говорящая. Потом – бурная река и я захлёбываюсь... потом – пещеры, коридоры, горбатый шаман, резкая боль в левом боку... Последнее, что помню – очень добрую и до боли знакомую, мудрую женщину в зеленовато-серой одежде до земли, очень красивую, мягко улыбающуюся и шепчущую мне на правое ухо из-за спины, что всё – проходящее, что я не должен «уходить в сторону» от страха, а обязан идти ему на встречу, чтобы победить. При этих словах вокруг всё вдруг стало цветным, словно я вошёл в радугу... Сон оборвался от звука горна, извещавшего об общем подъёме по стойбищу аборигенов третьего отряда. Начинался следующий неизвестный и многообещающий день нашего похода, но последние обрывки сна от яркости восприятия – крепко засели в голове и порой, казалось, что это была явь, а не простой сон.

Поход. День второй

Первым делом Михалыч отправил всех на озеро умыться и привести себя в порядок после ночных посиделок у костра, «дымовушек» от комаров и топтаний по ночной грязи вблизи поляны. Лица в костровой саже, включенные волосы после купания и грязь до колен после ночных поисков «правильных кустиков», за которыми можно было справить нужду – вот что мы увидели в своём отражении на озерной глади воды. После умывания народ занялся приготовлением завтрака, кто набирал в баки воду, кто разжигал костер, кто пошел по лесу за валежником. Пока проходили первые приготовления, к берегу причалил моторный катер с физруком «Колей-Ваней» и завхозом из лагеря. Оказывается, то, что мы притащили в рюкзаках с собой из консервов и прочих припасов – было практически съедено вечером и последующее приготовление невозможно без пополнения продуктов. На катере и был привезен провиант: свежий хлеб, еще горячие плюшки из столовской пекарни, молоко, какао-порошок, конфеты, галетное печенье, чай, сахар. Еще физрук привез спортивный инвентарь, чтобы устроить «веселые старты».

После завтрака я вспомнил, что хотел нарвать травы под палатку и, прихватив болоньевую ветровку и складной ножик, направился в сторону ближайшей низины по тропинке между соснами. На болотистой лужайке было много осоки и камыша. Расстелив ветровку на земле, я нарезал побольше травы, сложил на неё стопой и, завязав рукава, притащил к палатке. Это действительно помогло и после заталкивания под дно палатки и опробования на мягкость, я был удовлетворен, и даже вздремнул минут десять, но футбольный мяч, прилетевший в крышу моего жилища, сорвал мой план отдыха. Выбравшись из палатки, я глянул на играющих футболистов, покрытых потом и песком, без особого энтузиазма и с маской отправился на берег. Солнце на голубом, безоблачном небе набирало самую силу, и безвозмездно раздавало свет и тепло всем желающим. Я и был таким желающим. Подойдя к песчаному пляжу, я обнаружил почти всех девчонок отряда, валяющихся и беспечно болтающих. Среди них находилась и Света. Её ярко-красный купальник на «сметанного» цвета теле казался ещё ярче, похоже, она за весь июнь ни разу не загорала. В озере бултыхалась стайка ловцов рыбы с всё теми же острогами, а из воды выходила пара уже искупавшихся пацанов с посиневшими краями губ и «гусиной кожей» по всему телу. Пульс участился, но не от вида загорающего предмета моих вожделений, а оттого, что из воды вышел и плюхнулся рядом с ней и её собеседницей тот самый Юрка-гитарист. Он так мило «заворковал» с обеими, размахивая руками и изображая размеры увиденных под водой чебаков, что чувство неприязни переросло в раздражение, и внутри меня вновь проснулось неосознанное, древнее желание – наподдавать «сопернику», как это делают многие особи животного мира в «боях» за благосклонность «самки». Виду я, конечно, не подал и, скинув верхнюю одежду полез в воду. Прохлада озера и мелкая галька под стопами сделали своё дело. Мой боевой пыл быстро утих, массаж пяток покатыми камешками отвлек от дурных мыслей, и я полностью отдался «объятиям озера». Любимым занятием у меня было кидать камень и в маске под водой нырять за ним. Сделав десяток нырков, я носом зацепил песок во время последнего и это развлечение мне, почему-то сразу надоело, дальше – я просто плавал вдоль берега, рассматривая стайки мальков с любопытством облепляющих мои ноги и хватающих с волосков мелкие пузырьки воздуха, принимая их за корм. На краю пляжа, где ближе к мыску появлялись крупные каменные глыбы, становилось немного жутковато, когда в маске глядел вглубь озера. Прозрачность воды около двадцати метров, и дно, покрытое крупными скальными обломками, уходило куда-то вниз, и при этом в темноту. А еще к этому автоматически добавилось яркое воспоминание из недавнего купания в одном из соседних озёр вблизи города, куда я с родителями ездил месяцем ранее. Так вот, когда я там плавал в маске, из глубины к береговым камышам выплыла огромная щука. Она была настолько большая и древняя,

что тело её покрывали пучки водорослей и тины, от них её размеры ещё более увеличивались. Она, как океанская субмарина, медленно двигалась к берегу между подводной растительностью, тело её не изгибалось и напоминало бревно, а работали только передние плавники, да иногда расходились жаберные крышки. Маска вдобавок, сильно искажает предметы в воде, увеличивая их размеры, и от этого всего мне вдруг показалось, что я мелкий карась, на которого охотится эта супер-щука, и один молниеносный бросок – и меня заглотят с потрохами. Ужас тогда овладел мной и я, не помня себя, вылетел на берег, как ошпаренный. Родителям, однако, показался мой рассказ очень смешным и они, глядя на меня бледного с вытаращенными глазами и размахивающего руками, долго схватившись за живот, катались от смеха около берега. Сейчас эта щука вновь всплыла в моём сознании и, посмотрев в очередной раз в глубину Тургояка, я, вдруг понял, что накупался... и поплыл к берегу не оглядываясь. Когда смотришь на мелководе и не думаешь о глубине, то её глубины, как бы и нет, а значит – и страха нет.

Потом были «Веселые старты», какой-то песенный конкурс, но на меня это не произвело неизгладимых впечатлений, потому что мозг мой был занят вчерашними рассказами у костра, светящимся шаром, сумасбродными снами и в голове всё вертелись выкрики приснившихся первобытных людей: ШИЛП!, ШИЛП!, ШИЛП!... Я ждал с нетерпением обеда, чтобы после отправиться в лес на ближайшую гору, где по рассказу пацанов, из земли возвышался «останец», или просто кусок скалы, имеющий причудливую форму в виде полуразрушенного каменного идола и на нём виднелись какие-то рисунки и надписи. Своими мыслями я поделился с соседом по палатке Саньком, которого тоже «зацепили» вечерние байки Михалыча. Было решено отправиться на гору сразу после обеда, прихватив с собой котелки для сбора черники, которой у подножия горы было столько, что после пяти минут её собирания в глазах несколько часов стояли черно-фиолетовые кружки, даже когда глаза эти были закрыты. Черника с момента приезда в лагерь вообще стала нашим вторым по значению источником питания. Мы, как только выдавался свободный час, бежали напрямик в лес и «врезаясь» в заросли черничника, на коленях поглощали сию вкуснейшую ягоду в огромных количествах. Это обстоятельство сыграло со мною шутку, от которой Санёк потом долго не мог успокоиться, не то от страха со смехом, не то от смеха со страхом. А случилось вот что. Пообедав, мы запланировано двинулись к верхушке горы, но путь нам преградили заросли черничника. Ягод было так много, и они были такие крупные, что кощунственно проходить мимо – нога не поднималась. Мы решили сделать получасовой привал и «откусать десерт» после обеда. Так на коленках, мы медленно, но верно продвигались в сторону вершины. Спустя полчаса, собирать в рот ягоды у меня уже не было сил, а появилось новое, более сильное желание – «почистить кишечник» от предыдущего обильного поглощения пищи и я, оглядевшись по сторонам, нет ли по близости посторонних глаз, полез в ближайшие густые заросли кустов, чтобы совершить задуманное. И вот в тот момент, когда подошла пиковая фаза «очистки», вдруг перед моим носом раздвинулись ветки кустарника и на меня уставилась огромная, волосатая морда молодого лося. Между нашими носами было не больше метра и оказалось, что ни он, ни я не были готовы к подобной встрече. Глаза посмотрели в глаза, и из меня вырвался крик, точнее вопль: ПОШЛАААААА!!!, лось от неожиданности отскочил и метнулся напролом в противоположную сторону. Санёк орёт: ЛОООШАДЬ!, НЕТ – ОЛЕЕЕНЬ! и падает в заросли черники на живот от страха, а я, со спущенными штанами выпрыгиваю из кустов от такой неожиданной встречи, но не в силах подняться и побежать, качусь кубарем по зарослям мха вниз... Кто сильнее в тот момент испугался, мы или бедное животное – не понятно, но, когда треск ломающихся веток от испуганного лося затих, страх перерос в дикий хохот. Вернувшись в кусты и закончив «начатое было дело», я позвал Сашку и мы, вооружившись, на всякий случай, толстыми палками пошли в гору, уже не обращая внимания на чернику и ярко-красные островки лесной земляники, появляющиеся ближе к середине горы. Но как только где-нибудь рядом раз-

давался треск сучьев или хлопки крыльев спугнутых из травы птиц, мы сначала вздрагивали, а потом, посмотрев друг на друга, вспоминали моё сальто из кустов со спущенными портами, его вопли, огромные прыжки испуганного молодого лося, и падали со смеху на землю. Правда, когда нервный смех поутих, мы здраво рассудили, что нам повезло, ведь это был не взрослый рогатый лось и не самка, которая может проявлять агрессию из-за маленьких лосят при ней. Не ясно, как бы повело себя взрослое животное. С этими мыслями мы набрали на каменную постройку между крупными валунами.

Надо сказать, что сразу, глядя на кладку из камней, мы представили себе бедных первобытных людей, прячущихся от ветра и холода в этой каменной лачуге. Конечно сейчас, домом, или даже шалашом это назвать было нельзя из-за полуразвалившегося состояния, но наше воображение мигом достроило стены, бросило гору веток на перекрытие крыши и после – прикрыло шкурами огромных животных. Вход тоже мысленно закрылся шкурой лося, и внутри стало как бы уютнее. Мы полезли через проход внутрь постройки, где кучей в центре лежали камни, обвалившиеся со стен. Что мы там хотели увидеть или найти, мы сами пока не знали. Может рисунки на камнях, может кости вымерших животных, может древнее костровище и вокруг каменные наконечники для стрел. Но, так или иначе, ничего подобного не было. Камни были поросшие мхом и лишайниками и светили нам зелено-серо-красными красками, в центре, между камнями было костровище, но в нем валялись обожженные банки из-под тушенки и старые бутылки с мусором и водой, попавшими внутрь за годы пребывания в этой куче хлама. И вообще, эта постройка стала нам напоминать не древнюю келью, а больше – холодный склад для продуктов. Подобные каменные склады часто строили рядом с базами отдыха, где нет электричества, но быстро портящиеся летом продукты надо было подольше сохранить пригодными в пищу. Выбравшись из этой развалины, мы решили посмотреть рядом за горкой, нет ли домиков отдыхающих. И каково было наше разочарование, когда за пригорком стояла она – заводская база «Металлург», а нам на встречу вышла по тропинке тётка. Она спросила, не пробегал ли сейчас нам навстречу обросший бродяга с чайником, который он своровал со склада базы, пока она выдавала отдыхающим постельное бельё. Нет, мы его не встречали и, слава богу, а то мы сами бы испугались его лохматого обличья. Но как мы забрели к базе? Ведь шли совсем в другом направлении. Видимо нарезая круги по черничнику, и бегая от лося, мы сбились с нужного направления и взяли левее, вдоль Липовской горы. Времени было еще достаточно до вечерних сумерек и до ужина, но далеко идти, как-то расхотелось. Раз уж мы рядом со стоянкой чуть не заблудились то, что говорить о дальней прогулке. Повернув вправо в гору, мы двинулись в надежде быстро добраться до ближайшей вершины. Сашка по дороге, не умолкая, рассказывал про то, что его дед живет в Саткинском районе, это недалеко от нашего города, километрах в ста, и что он, этот дед, в лесу однажды встретил лешего или может «снежного человека», огромного роста, волосатого, молчаливого. Еще и другие в его деревне рассказывают, что, заходя далеко в лес, некоторые его тоже встречали. Но, продвигаясь в гору, от этих страшилок было не страшно. Может быть потому, что мы знали – ушли мы недалеко и народу вокруг отдыхает много. Может от облика леса, ведь сосновый лес светлый и его корабельные стволы открывают видимое пространство на много метров вокруг. Может оттого, что, днём при свете солнца, совсем не страшно слушать о страшном, а еще может из-за нашей юношеской самонадеянности и пионерском воспитании, которому чужды предрассудки тёмных, суеверных бабушек и дедушек, хотя с наступлением ночи, первобытные, подсознательные страхи всё равно брали верх над атеизмом. Так или иначе, но вот мы добрались до первых полян, которые чаще встречаются ближе к вершинам гор. Растительность на таких полянах отличается от лесной подстилки в низинах и, подойдя ближе, мы поняли, что идти будет немного труднее из-за более высоких, иногда по пояс, трав, мелких кустарников и валежника по краям. Склон стал круче, ноги уже стали отказываться быстро передвигаться по нему. Футболка намочла и прилипла к спине, на лбу появились крупные капли пота

и струйками стекали по щекам, попадая в уголки рта, от чего ощущался солоноватый вкус. Надо было передохнуть и мы, приглядев небольшой пенёк в паре метров от нас, двинулись к нему. В обилии разнотравья мы практически не заметили, что на пне, свернувшись калачиком, лежала толстая пестрая гадюка и я, чуть было не сел на неё задом. В последний момент, краем глаза я увидел этот клубок и, как ошпаренный отскочил в сторону. Санёк тоже заметил змею и, замахнувшись своей палкой, что есть силы – треснул по пню. Видимо, тень от палки и наши движения привлекли внимание гадюки, и она успела в последний момент соскользнуть с пня, исчезнув в высокой траве. Сашкина палка разлетелась на три куска, а один просвистел у меня над ухом, чиркнув по кромке козырька фуражки. Я обалдело стоял пару секунд, а потом, как укушенный, припустился вниз с горки, Санёк нёсся за мной по пятам. Когда он рассказывал про лешего – было совсем не страшно, но, когда метровая гадюка сползла в траву, каждый из нас представил, как он будет, корчась, валяться в траве укушенный этой гадиной и умрет, не дождавшись помощи. Бежали мы не долго, но за это время вся паутина крупных пауков-крестовиков, натянутая между кустами, оказалась на наших лицах, а на волосах и плечах развивались остатки хитиновых покровов от «мумий» мух и прочей насекомой братии, погибшей в сетях кровососов. Свои посохи мы, естественно, второпях побросали, а они-то и служили нам тем «защитным экраном» от паутины. Долго еще ощущение стянутого десятком паучьих сетей лица, заставляло меня машинально потирать его руками в попытках содрать оставшиеся липкие паутинки с висков. Оглянувшись на гору, мы поняли, что, прогуляв несколько часов, мы так и не приблизились к верхушке горы с заветными каменными идолами и древними письменами. Но у нас появился ОПЫТ – как не надо вести себя в неизвестном лесу.

Вдоль горы мы двинулись в обратном направлении, внимательнее глядя под ноги, по дороге собирая землянику и перескакивая через крупные валуны, заросшие мхом и лишайником. На одной лесной полянке, на освещённом солнцем крупном камне, я заметил отблески мелкой чешуи. Опять змея – возникла первая мысль, но, приглядевшись, я увидел крупную ярко-зеленую ящерицу, греющуюся в послеобеденных лучах. Мне часто до этого момента попадались ящерицы, но все они были мелкими и серебристо-серого цвета, а эта – была намного крупнее своих соплеменниц, и яркостью расцветки напоминала крошечного дракончика с яркими, серебристо-зелеными чешуйками на теле, готового вот-вот исторгнуть изо рта огненный шар. Почему-то я сразу сравнил её с большой зажигалкой, от чего стало смешно. Нажимаешь ей на хвост, а она разжигает костер, прикольно. Но ящерица повернула в мою сторону головку, и от её пронзительного взгляда мелких бусинок глаз стало стыдно за свои мысли. Чувство уважения или даже какой-то любви к природе захлестнули мои мысли. Её взгляд вдруг смутно напомнил мне, что совсем недавно я его уже где-то видел. Я даже не стал подзывать Санька, который беспечно шагал невдалеке и насвистывал песенку А. Пугачевой про волшебника-недоучку. Мне даже на ум пришла картинка из книги об островах Океании с морскими игуанами на прибрежных скалах, только вместо «океана воды», вокруг бушевал «океан леса». Ящерица проводила нас пристальным, немигающим взглядом и исчезла в траве. Дальше тропа спускалась в болотистую низину, которую пришлось проходить по веткам, брошенным в жижу и крутым кочкам, норовившим выскочить из-под ног. И вот она – стоянка. Ноги от долгих гуляний по гористому лесу гудели. Мы, как были в кедах, так и вошли в озеро по колено. Прозрачная, холодная вода, просочившись через штанины и брезент кед, приятно охладила натруженные мышцы. Блаженству не было конца. Побродив вдоль берега и ополоснув грязные ноги, мы выбрались на берег, сняли мокрую одежду, развесили её на кустах, возле палатки, а кеды, нацепив на рогатинках, разместили около костра, в котором тлеющих углей за сутки пребывания на стоянке, накопилась горка, высотой около тридцати сантиметров.

Хожение босиком оказалось не таким уж болезненным, как показалось вначале. Поляна была ровной и все шишки, от которых стопы автоматически скрючивались при вставании, уже сгорели в костре, а мелкие и крупные камни перекочевали либо в «оторочку» костровища,

либо в соседние кусты. Почва, слегка посыпанная сухими сосновыми иголками, была прогрета солнцем и обвеяна лёгким бризом с озера. Это топтание по поляне создавало ощущение единения с природой, а через стопы в тело вливалась мощная энергия Земли, усиливая иммунитет и отгоняя болезненные состояния. В дни посещения лагеря я вообще забывал о том, что существуют болезни, а во время похода, это ощущалось особенно. Я мог до посинения сидеть в холодной воде озера, бегать босиком по земле и лужам, есть всё, что попадалось съедобного в лесу и на воде, получать синяки, ссадины, и мелкие порезы от падений и лазаний по скалам, пить воду из озера, при этом, отгоняя толпу водомеров, и ни разу не задуматься о простуде, дизентерии, столбняке и прочих болезнях, которыми нас пугал врач из медпункта пионерского лагеря.

Пока мы валялись в палатке, обсуждая дневные приключения, одежда и обувь быстро высохли. На голубом бескрайнем небе облака вообще отсутствовали, что редко бывает в летние месяцы на Южном Урале, и от этого Солнце, ветерок с озера и костровище максимально быстро выполнили свою работу. Группа девчонок во главе с Михалычем, тоже заканчивала колдовать над ужином и к месту принятия пищи потянулись с пустыми котелками самые голодные отрядные аборигены. Ели мы с Сашкой практически молча, изредка поглядывая на общий котёл, в надежде успеть положить добавки, и таки успели. Еды оказалось так много, что решили оставить её на ночь, для «полуночных голодающих певцов» и пока не мыть котлы. Когда котелки повторно опустели, а наши желудки на три четверти были завалены едой, осталось «замахнуть» по кружечке горячего какао с галетным печеньем и стуженкой, да растолкать по карманам горсть ирисок «Золотой ключик». Проковыляв с полным животом на бережок, я, с трудом присел на большой плоский камень, потер песком котелок с ложкой и кружкой, а потом – так и остался сидеть на нём, глядя на дальний берег через толщу горячего и влажного воздуха, от которого видимое изображение становилось нерезким и расплывчатым. Создавалось впечатление, что мы находились под гигантским стеклянным колпаком, и всё вокруг нас было нереально далёким, за непроницаемой защитной переборкой. Стаи мальков кружили у поверхности воды, подъездая все остатки пищи с поверхности озера после нашего ужина и массового мытья посуды. Между камнями я заметил связку небольших мертвых рыбешек, связанных между собой бечевкой для приманки раков, но поблизости присутствия этих представителей озёрной фауны не наблюдалось. Ходили слухи о том, что во всех озёрах вокруг города, в раз они все вымерли из-за «раковой чумы». Но наши раколовы всё же надеялись, что это только слухи, и на вечерней охоте им, всё-таки, повезёт. Тем более что физрук днём рассказывал об аквалангистах, приехавших из Екатеринбурга на озеро для его изучения и поиска подводных гротов, разбивших палатки вблизи пионерского лагеря, и что они на глубине во время погружения видели огромных раков. Гулять по окрестностям больше не хотелось, я поплёлся к палатке. Почти вся наша группа разбрелась по окрестностям, в основном в зарослях черемухи. Пара человек, ковыряя палками в костровище, выпускали в небо пучки искр, и эти стужки энергии напоминали Джинов, выпущенных из волшебных ламп. Повалявшись в духоте на спальниках, я понял, что лучше – свежий ветерок, а не пропахшая дымом палатка. Выбравшись наружу, двинулся к ближайшим кустам, прихватив складной нож. Выбрав один из ровненьких стволов в ивняке, срезал его, соорудил подобие посоха, а пока кора не засохла, уселся у костра с этой палкой, вырезая на её поверхности витиеватые узоры в виде змеек, сеточки и прочих узоров, которые приходили в голову в процессе почти первобытного народного творчества. Проходящий мимо костровой Эдик, увидел мой «hand made» и воодушевлённый моей идеей, тоже понесся в заросли ивняка за подобной палкой. Через полчаса вокруг костра сидела кучка «резчиков по дереву» с вдохновением строгающая палки и изготавливая подобия первобытного вооружения. Часть вилок перекочевали с острог на новые резные рукояти. Занятые народным творчеством, мы не заметили, как солнце коснулось вершущек Заозёрного хребта и с каждой минутой, вечер всё больше набирал силу, сменяя дневной зной и наполняя окру-

жающий воздух вечерней прохладой и лёгким ветерком с озера. Кто-то вспомнил про дохлую рыбу на верёвке и побежал на берег проверить присутствие представителей ракообразных около неё. Но сколько они не вглядывались в нагромождения подводных каменных джунглей, ни одного уса, ни одной клешни в щелях и гротах замечено не было. Правда увидеть раков было весьма проблематично без маски, да еще и ветерок погнал мелкую рябь по воде, от чего все сделали вывод, что раки-то есть, но мы их просто не умеем высматривать. Наша вчерашняя команда стала потихоньку готовиться к повторной экспедиции и вот перед тем, как стемнело, мы гурьбой выдвинулись в сторону полуострова Веры.

Для меня в этой вылазке не было главным поймать много раков. Отсутствие их до последнего момента – охладило «боевой пыл» и сейчас меня больше интересовали пещеры. Я их представлял огромными, как в фильмах по телевизору, с наскальными рисунками, горами костей от мамонтов, стаями летучих мышей и прочими атрибутами, положенными для таинственных пещер, в моём понимании. Продвигаться пришлось вначале вдоль берега по колени в иле, тине и зарослях водорослей, через заилившуюся курью, некогда, при «большой воде», считавшуюся заливом. Дальше начиналась песчаная коса с редкими тонкими березками и высокой болотной травой. Двигались мы вдоль косы – кто по пояс в воде, ежесекундно склоняясь и присматриваясь к редким камням, кто ближе к берегу. Санёк взял мою маску и вообще передвигался «по дну руками», одной рукой переворачивая мелкие камни, встречавшиеся на пути, другой держал острогу наготове, а мне досталась почётная обязанность – нести его сумку под раков, верхнюю одежду и свои пожитки. В воду я не лез, а просто наблюдал за остальными. Если бы хоть один из них обнаружил добычу, другое дело, все бы ринулись в воду, а так – какой смысл мочить футболку, триковину, да и в сумке у меня лежал фонарик со сменным комплектом батареек, складной нож, мазь от комаров, пачка галетного печенья, рыбацкий набор и коробок спичек в пакетике. Замочить всё это не было большого смысла. Смеркалось и потихоньку на небе стали проявляться стайки звезд. Теплый, насыщенный влагой воздух от прогретого за день озера, поднимался вверх и искажал свет звезд, создавая иллюзию подмигивания последних. Я достал фонарик, кто-то разжёл факелы из бересты и вся процессия, издали напоминавшая «крестный ход», двинулась вдоль берега Веры. По прошествии получаса, мне уже надоело бродить вдоль берега и созерцать ныряльщиков с острогами. Я поражался их упорству. Кто-то из них нашел в воде небольшого, но, увы – дохлого рака и это подхлестнуло всех на новые поиски. Санёк, дольше всех находившийся в воде, выбрался на берег с посиневшими губами и кожей, напоминавшей «общипанного гуся». Без смеха на него смотреть было невозможно. Мы на берегу соорудили небольшой костерок, накидав в него сухой тины и гнилых ветвей берёзок, в изобилии валяющихся вдоль берега. Санёк быстро надел свои пожитки. Несколько отчаявшихся охотников тоже закончили водные процедуры, и расселись вокруг разгорающегося костерка. Подкрепившись галетами и остатками какао из чьей-то фляги, мы разлеглись на песочке и уставились в безоблачное, бездонное ночное небо. По поверхности воды тихо разносились звуки гитары, девичьего пения и отблески большого костра с места нашей стоянки. Не знаю, как других, но меня раки уже не интересовали совсем и мысли были устремлены вглубь острова к пещерам.

Немного согревшись и залив водой костер, наша небольшая, отколовшаяся от остальных охотников, группа из пяти искателей приключений, направилась к предполагаемому месту входа в пещеру. Среди нас был только один человек, кто был на острове и видел воочию эту пещеру, но было это в прошлом году и в дневное время. Остров небольшой, и мы шли с мыслью, что найдём быстро этот вход. Так оно и получилось, через пятнадцать минут, немного поплутав в зарослях острова, мы наткнулись на рукотворное отверстие в скальной породе. Светя фонарём, я полез первым и за мной остальные. Каково же было моё разочарование, когда узкий коридорчик предполагаемой пещеры, не успев начаться, закончился. Было несколько небольших ниш в левой и правой стороне от основной галереи, но ничего интересного в тот

момент я не ощутил от пребывания в этом месте. От фонаря по стенам падали причудливые тени в виде каких-то животных. Общее впечатление портил запах сырости и «загробного холода» во время ползания на коленках в пещерке. В некоторых местах в потолке зияли дыры, через которые внутрь светили звёзды, но так как было новолуние, диск луны скрывала тень от земли полностью, ночь была тёмной, а густоту мрака усугублял лес, плотной стеной стоящий вокруг. Вдруг в одном из отверстий, куда я попытался высунуть голову – замерцал свет. Мне подумалось, что кто-то ещё бродит с фонарём по острову с целью поиска пещеры, но, приблизившись к краю «окна», я с замиранием в сердце увидел вчерашний полупрозрачный светящийся шар. Может, конечно, и не вчерашний, но в точности повторяющий его. От страха сердце замерло, и система голосового оповещения дала сбой. Молча, как зачарованный, я глядел на этого посланца из другого мира, а он, казалось – на меня. Шар завис в метре от меня и замер. Сколько я так смотрел на него, понять было невозможно, время растворилось во взгляде. Страх улетучился и вдруг, мне показалось, что в голове возник до боли знакомый голос. Мягким, бархатистым и негромким звуком он, казалось, убаюкивал, вводил в лёгкий транс, пытаюсь что-то объяснить. Я стоял в состоянии аффекта, а мой мозг пытался сосредоточиться на звуках и вибрациях внутри головы. По всему телу разлилось тепло и внешний мир, стал расплываться в какой-то дымке. Я вспомнил этот голос! Я его слышал вчера во сне, и он исходил от красивой женщины в серо-зелёном платье. На какое-то время я выпал из оцепенения и оглядевшись вокруг, не увидел рядом ребят. Похоже, они тоже издали заметили шар. Я только слышал, как они убегали, выбираясь из пещеры и продираясь сквозь кусты ближайших зарослей. Сашка крикнул мне, чтобы я быстрее уносил ноги и что «Дух острова» рядом со мной. Я уже было хотел припустить за ним, но мягкий голос пристыдил меня за трусость и предложил не делать этого. Вместо того, чтобы кинуться в сторону остальных и бежать, не останавливаясь до места стоянки, я повернулся к шару. Но шар исчез вместе с голосом и, хотя я остался совершенно один в центре неизвестного мне острова, наедине со своими представлениями об окружающем мире и толпой первобытных, подсознательных страхов, я спокойно воспринял действительность, а какая-то неведомая сила подтолкнула меня двигаться к противоположному берегу острова. Включив фонарь, я выбрался из пещерки и отрешенно побрёл по тропинке вправо от пещеры. Через несколько метров путь мне преградила груда камней в виде небольшой скалы, торчащая из земли. Потом, обойдя её, я двинулся прямо через ночные заросли в сторону озера.

Спустившись на берег из леса, я увидел нагромождения крупных камней вдоль всей береговой линии острова. Эти крупные валуны были хоть и сглаженными по краям длительным действием воды озера, но двигаться по ним было крайне неудобно, так как они перекрывали друг друга, создавая множество расселин и мелких гротов. «Низкая вода» обнажила множество этих каменных завалов вдоль берега, и они напоминали «каменные джунгли», машинально пробираясь через которые порой невозможно было разглядеть самого острова. Я, ведомый неизвестной силой, приблизился к кромке воды, и, сняв кеды с носками, продолжил движение по камням, уходящим в глубину озера. Зайдя по пояс в озеро между двумя огромными валунами, вдруг заметил тесный проход в небольшой грот, своим сводом почти касавшийся воды. Стало немного страшно от неизвестности и большого сомнения в дальнейших моих действиях, но всё тот же вновь зазвучавший голос в голове, или скорее за спиной, успокоил и пристыдил меня за проявления трусости. Сунув фонарь в пакет с вещами, и скрутив его в плотный валик, надев на себя плавательную маску, я постарался протиснуться в грот между валунами. Прижав сумку к своду камня, ограничивающего высоту прохода, я протащил её внутрь за него, практически не замочив, а так как камни были покрыты тонким слоем мелких водорослей и от этого были достаточно скользкими, моё туловище проскочило в грот без особых проблем. Темнота окутала меня со всех сторон. Маска была уже не нужна, и я задрал её на лоб. Проход был достаточно узким, но уровень воды с каждым шагом становился всё меньше и через деся-

ток шагов, медленно двигаясь и шаря руками по стенам, я оказался в невысоком извилистом коридорчике по колена в воде. Я вновь достал фонарик из сумки, и, включив его – огляделся. С первых шагов по коридору создалось впечатление, что люди его не посещали, по крайней мере, последнюю тысячу лет. Стены имели полосатую раскраску от постоянно менявшегося уровня воды, во многих местах они были затянутае лохмотьями высохшей тины и водорослей, ноги стояли на «ковре» мягкой тины или чего-то подобного ей, пахло сыростью и тянуло прохладой из глубин грота. Мелкие рыбки вились около ног в поднятом ногами мельчайшем песке и что-то быстро выхватывали из него. Вода от поднятой мути, состоящей из слюдяных частичек и блестящих спин рыбок, словно искрилась в свете фонаря. Тишина оглушала. Тихое поплёскивание воды на краю грота было практически не слышно, так как на озере был штиль. Сильного страха не чувствовалось, но лишь оставалось любопытство, что там впереди.

Грот

Впереди была неизвестность. Немного помешкав, я двинулся вперед, фонариком освещая дорогу под ногами и иногда, переводя свет на стены грота в надежде увидеть какие-нибудь знаки или символы, оставленные прежними посетителями, намекающие на дальнейшие действия. Коридор понемногу уходил выше, так как вода становилась всё ниже, и вот я уже вышел на сухую часть с полом, выложенным крупным плитняком, что говорило о присутствии здесь некогда – человеческой расы. В коридоре было совсем не душно, видимо древние строители продумали систему вентиляции. Вообще-то – коридор имел вид, потрёпанный безжалостным временем. Было похоже, что когда его строили, никто и не думал об уровне озера, и то, что он может повыситься до свода потолка. Если и были на стенах надписи с рисунками, то их неумолимо смыло озерной водой. Но когда я продвинулся дальше по коридору, и вода отступила, в свете фонаря стали попадаться изъеденные временем изображения движущихся животных, птиц, людей, какие-то треугольники, шестигранники, волнообразные линии и спиралевидные круги. Последние – очень сильно напоминали тот шар, который не давал мне покоя эти два дня. Рисунки были красновато-бурого цвета, и создавалось впечатление, что их не рисовали, а само строение камня было таковым. Коридор то расширялся, то сужался. Это происходило от того, что возраст его был очень древний и во многих местах камни свода обваливались, создавая на пути нагромождения и препятствия, через которые приходилось пробираться бочком, или на корточках. В отличие от камней «внешнего мира», эти были с острыми гранями, как будто только что отколотыми от скал. Вода и ветер, отсутствующие в подземелье, оставили в перевозданном виде эти каменные глыбы, и, продираясь через естественные завалы, я нередко царапал руки и сбивал колени. Но на такие мелочи я совсем перестал обращать внимание и, находясь в состоянии аффекта или близкого к этому, я брёл вперёд и единственным желанием – дойти до «места прибытия». Так, по крайней мере, в моей голове сформировался посыл, согласно которому, я выполнял в полуавтоматическом режиме все свои последующие действия. Время в этом коридоре остановилось и потеряло всякий смысл. Рисунки на стенах были во многом непонятны. Изображения лосей и других копытных животных явно говорили о сценах охоты, люди тоже узнавались в рисунках с орудиями охоты в руках. Но чаще, встречались совершенно непонятные изображения существ с несколькими парами ног и рук, змеевидными телами, полуовалами с сидящими в них людьми, в верхних частях рисунков, и какие-то иероглифы, напоминающие неизвестные науке письма-послания из далёкого прошлого. Так, разглядывая рисунки, я брёл по тоннелю в неизвестном направлении и набрёл на расширенную часть, напоминающую круглый зал, в центре которого в виде воронки находился водосток, а к нему, прорезав каменную твердь из стены, стекал чистейший родник. Подойдя к сливу, я с любопытством заглянул в отверстие, посветил внутрь, но острие луча не достигло дна, и капли просто улетали в тёмное «никуда». Увидев чистейшую, как слеза, воду, автоматически включилось чувство жажды и, сняв с головы забытую маску, я зачерпнул ею живительной влаги из родника. С первого глотка появилось ощущение, что в руки и ноги вкачали свинцовый расплав. Я почувствовал, что силы от длительных прогулок по острову давно закончились, и пора присесть, сделать небольшую передышку перед чем-то более таинственным, как обычно наступает оглушающая тишина перед началом боя. Я присел на удобный каменный приступок, напоминающий стульчик, возле воронки, через которую в неизвестном направлении уходила вода. Огляделся. Из зала в нескольких направлениях виднелись заваленные скальным грунтом проходы. Куда они вели? Что ожидало путников на другом конце? Выключил фонарь, погружаясь в кромешную тьму, отключил все мысли и желания, вытянул ноги, закрыл глаза. Остался в работе только слух, который и донёс до меня нежный звук струящейся воды в роднике, который многократным эхом из воронки, перекликался с основным звуком. Созда-

валось впечатление, что перед тобой громко говорящий рассказчик, а за спиной толпа, в полголоса повторяющая слова первого. Эти звуки убаюкивали, расслабляли и завораживали моё сознание и погружали в забытие. Какое-то время я так и сидел, не видя, не вспоминая, не мечтая. Я просто – сидел, скрестив ноги в позе лотоса, сложив руки в замок, запрокинув голову назад, ничего не чувствуя. Но чем дольше я находился на этом каменном приступке, тем сильнее внутри тела ощущалось движение энергии. Создавалось впечатление, что я аккумулятор, который залили электролитом и подключили к зарядному устройству. Мощный поток энергии от «точки соприкосновения» с камнем поднимался по позвоночнику вверх, заполняя каждую клеточку моего тела. Энергия плотным кольцом то поднималась, то опускалась, создавая ускользящие вибрации во мне. Потом все вибрации слились в один мощный поток, заполнивший тело «до отказа». Мне казалось, что я стал как фонарь маяка, излучая во все стороны разноцветные лучи ауры. От этих лучей окружающий мир превратился из скучного черно-серого, со светотенями, в яркий цветной, где лучи были такими яркими, насыщенными, что казалось – стоишь в радуге. Я поднял руку перед собой и разглядел не просто ореол вокруг каждого пальца, а целую энергосистему взаимодействия себя с внешним миром. Всё вокруг было пронизано тончайшими нитями энергии, как той паутиной, в которую я врезался вчера лицом, убегая от змеи с лесного пня. Появилась мысль, что фонарь мне практически не нужен, ведь я и так вижу окружающий себя мир подземелья. Я встал и почему-то, решил пройти по кругу зала. Подойдя к ближайшей стене, моему взору предстал не статичный рисунок, а подобие мультфильма. И вообще, появилось внутреннее чувство, что это я сам рисовал картинку. По каменным складкам стены бегал черный, волосатый мамонт, а за ним несколько охотников с каменными топорами и копьями. Вот они загнали его к подножию скалы и самый ловкий, запустив копьё, ранил животное. Остальные – закончили начатое. Было такое впечатление, что я вижу первобытные желания себя, сделавшего этот рисунок. Я видел не просто картинку, я видел всю внутреннюю энергию художника-графика, создавшего её. Постепенно яркость картинок стала тускнеть, и окружающий мир стал вновь погружаться во мрак. Первое, что пришло ко мне в голову – вода! Я выпил её немного и от этого срок действия был короткий, но, подумав – понял, что без каменного приступка, на котором я отдыхал – ничего и не было бы. Захотелось повторить эксперимент, и я с готовностью набрал воды в маску и сел на каменное ложе. Но сколько я не пил воды и не устраивался удобнее – ни яркой ауры, ни цветных «мультиков» не повторялось. Удручённый, я задумался. В сознании всплыло воспоминание о тех признаках перехода из обычного состояния в «повышенно-энергетическое», вибрирующем кольце энергии, «тряске», и как только я это состояние вновь вспомнил – всё включилось автоматически! Вновь мир обрёл сверхяркие краски цветов радуги и не успел я подумать, что наверно, смогу взлететь – моё тело оказалось под сводом зала! Я с ужасом посмотрел вниз и увидел себя, сидящим на каменном приступке, возле родника, я как будто спал. Первая мысль, затопившая всё моё сознание – душа отделилась от тела, и я – УМЕР! ... Мне стало так жалко себя, своих родителей, отрядных друзей, что они даже не смогут найти моё брненное тело в этой таинственной пещере и простится с ним. Я уже было хотел кинуться обратно в тело и слиться с ним, но до боли знакомый и родной голос за правым плечом, появившийся ниоткуда, ласково, но твердо сказал: «Не бойся. Я тебе уже в сотый раз повторяю – не бойся и шагни навстречу своему страху. У тебя столько впереди нового, неизведанного, что ты позже будешь вспоминать эти мгновения собственной слабости со смехом». Всё, что я испытывал в тот момент – необъятную любовь ко всему миру, к голосу за спиной, к себе, к полуострову Веры и озеру Тургояк, давшим возможность увидеть и ощутить больше, чем я, когда либо, мог себе представить, сидя за партой в обычной Советской школе, общаясь с обычными друзьями-пионерами и выполняя обычные житейские работы и поручения родителей. Я понял – отворилась новая дверь в огромный внешний мир, который еще предстоит открывать, как Колумб открывал Америку, как Афанасьев ходил «за три моря», как Кук знакомился с туземцами Тихого океана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.